

ПУТЬ ЗВЕРЯ И ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА — ДВА ЛИКА СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В.В. Осетров

*Уральский государственный
педагогический университет*

В данной работе рассматриваются проблемы становления современного человека: как существа низменного, либо как существа духовного, и отражение этого процесса в традиции русского философствования.

Ключевые слова: человек, русская философия, воспитание, культура, традиция.

WAY OF AN ANIMAL AND WAY OF THE PERSON — TWO FACES OF MODERN CULTURE

This work is considered to the problem of formation of the modern human as vile or as spiritual being, and it's reflection in tradition of Russian philosophizing.

Keywords: the person (human being), Russian philosophy, upbringing, culture, tradition.

Личность Ивана Александровича Ильина в последнее время привлекает все более и более пристальное внимание, как средств массовой информации, так и профессиональных философов. Творчество Ильина используется для подтверждения концепций разного толка, как в области политической (чему он дал немалые основания) так и многих других, вплоть до теологических. Нам кажется, пришло время в полной мере отдать должное философско-педагогической части наследия одного из самых интересных русских философов XX века.

В своей книге «Поющее сердце» [4, 9—16], обращенной к сыну, Ильин пишет о необходимости любви, как главной скрепляющей силы, в отношениях между людьми. Интересен парадоксальный, с точки зрения современного человека, взгляд на взаимоисключенность состояния любви и требования механической справедливости в отношениях между людьми.

В.В. Осетров, УрГПУ. Путь зверя и путь человека — два лика современной культуры

Парадоксален он только на первый взгляд, так как Ильин не приемлет понимания справедливости в смысле бездумного равенства. Для Ильина же высшая справедливость — это признание изначального неравенства людей, и любовь к ним в приятии их в этом неравенстве способностей, положения и пола в конце концов.

Сегодня мы все больше утверждаемся во мнении, что есть два пути развития современной культуры — путь Человека и путь Зверя. И некоторая степень «озверения» соотечественников пугает почти всех, по крайней мере, многие готовы повторить вслед за героиней Е. Соловей из давнего щемящесоветского фильма: «Вы звери, господа... Господа, Вы звери...». Проявляется это по-разному, в ожесточении чувств, действий и даже слов. Одни считают, что человек сегодня не представим без мата, так как: «мат — это очень сильные энергетические слова... та маленькая поддержка персонажа, чтобы он был реальным» (И. Вырыпаев) [8, 11], другие, что человек не представим без обращения к молитве (герой П. Мамонова в фильме «Остров»). При этом «служители муз», будто соревнуются, а кто грязнее выругается. Словно они забыли, слова Владимира Сергеевича Соловьева, о том, что смысл и цель искусства это воплощение идеала, показ не того какова жизнь есть, а того какова она должна быть, и в конечном счете переделывание нашей несовершенной жизни в совершенную: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [12, 404]. Правда, наверное, сегодня при упоминании фамилии Соловьев, обывателю скорее вспомнится крепко сбитый телеведущий с канала НТВ, чем великий русский философ бывший властителем дум в конце XIX — начале XX века.

Таковыми современными слышатся последнее время слова святого Иоанна Кронштадтского: «Знать не хотят, да и верить не желают; верят только в себя. Ломать и разорять все готовы,... а созидать ничего не хотят, да и не умеют и не могут. Хотят лишить святой, спасительной веры и церкви народ русский и вместо нее навязать ему свой бред, выдумки своего темного

ума, хотят вырвать у русского человека его лучшее неоцененное сокровище — древлепреданную веру, служившую ему оплотом и утешением во всех бедах, напастях и скорбях — и усиливаются навязать ему безверие и безначалие, лишить его всякой почвы и основы под ногами» [9, 523].

Невозможно говорить об этом, не осознавая, что нет современного человека в той или иной мере не приходящего к проблеме понимания веры. Безусловно, что творчество И. А. Ильина, человека размышлявшего о месте религии и веры в жизни, как отдельного человека, так и народа, в значительной мере посвящено тому влиянию, которое оказывает на становление и воспитание веры у ребенка. Это и «Путь духовного обновления», и «Основы христианской культуры», и «Аксиомы религиозного опыта» и многие другие. Любопытно различное понимание веры у немецкого протестанта, теолога Пауля Тиллиха и у русского православного, религиозного философа Сергея Булгакова. Вера для Тиллиха — «это состояние предельной заинтересованности» [13, 133], это некоторый путь, движение «к», попытка достичь (при этом необязательно Бога). Вера для Булгакова — это знание, это момент достижения, это уже обретение, это обладание знанием «о», знание абсолютно полное, убедительное и откровенное, прежде всего знание о Боге, полученное от самого Бога [1, 27–29]. Вера у Тиллиха — я хочу знать, что есть Бог, вера у Булгакова — я знаю, что Бог есть! В первом случае — мы имеем движение и стремление подстегнутое любопытством, во втором — мы имеем жизнь стремящуюся соответствовать постигнутому совершенству. Первый вариант — это жизнь сравнивая с приключением, второй — с подвигом. В первом много от доверия, а доверие слишком зыбкое основание, чтобы на нем строить свою жизнь, ведь сегодня я доверяю одному, завтра другому, послезавтра третьему, и так может длиться бесконечно. В конце концов, доверие, это то, что стоит до веры, это перекладывание ответственности за знание о чем-либо на другого (человека обладающего авторитетом либо знанием, книгу, в общем — стороннего): «Я сам не знаю, а вот мои родители (учебники, философские или богословские трактаты, сосед Вася, наконец) знают что...». Вот и получается, что

такой «доверчивый»: сегодня православный, завтра кришнаит, а послезавтра уже правоверный мусульманин или буддист. Потому что, интерес-то есть, а знания и убеждения (веры) — нет. Конечно, во втором случае то же есть место доверию, доверию к опыту других людей, к знанию других о Боге, появляется возможность объединения, поле совместной трудной работы по совершенствованию себя. Первый путь может привести к эгоизму и индивидуализму так, как я иду к Богу, обретаю его, стремлюсь обладать им, кричу всем «Идите ко мне, следуйте за мной, учитесь у меня — Я узнал, что есть Бог, Я совершенен!» Второй ведет к соборному пониманию необходимости быть вместе, помогать друг другу, преодолеть свое несовершенство.

Конечно, можно возразить, что есть много других пониманий веры: веры как уверенности, убежденности, веры как стремления, опять же, веры как доверия. Даже веры как мировоззренческой традиции, как, например, у Маркуса Вольфа многолетнего руководителя политической разведки ГДР, в одном из своих последних интервью признавшегося: «... я до сих пор считаю себя коммунистом. В том смысле, в каком были мои родители. Для меня это вопрос веры. Веры в свободу, равенство, братство» [11, 15].

Пожалуй, только уповая на укрепленный в вере ум (в самых разных пониманиях веры), приходится брать сегодня и за преподавание многих учебных дисциплин, особенно философского и культурологического цикла. Студенты очень часто бросаются в крайности от безграничного доверия, до полного нигилизма по отношению к изучаемым философским концепциям культуры различных авторов. Может быть, одно из самых трудных на этом пути имя — это имя Фридриха Ницше, вокруг которого противоречивых суждений и толкований как ни вокруг кого-либо еще. Философ увлеченный и увлекающий, униженный и унижающий, искаженный, но и сам искажающий. Как знакомиться с его философией, с его работами, не рискуя впасть в те же крайности? Как пройти по тонкой грани объективности, и необходимости дать собственную оценку?

Фридрих Ницше по праву считается одним из самых интересных и спорных философов современности. И одно то, что

он и сегодня воспринимается современным, достойно внимания. Сопоставимый по масштабу, по крайней мере, в мире русской философии — Владимир Соловьев, видится скорее современником Канта, чем Ницше. И это не свидетельство архаичности Соловьева, а свидетельство сверхсовременности, или даже вневременности Ницше.

И не случайно, эти три имени вспоминаются рядом, друг за другом. В Канте воплотилось своеобразие европейской (для нас — западной) философии до Ницше, да и после Ницше тоже. Соловьев осознал возможную самобытность становящейся русской философской традиции.

Весь пафос западной философии — в критике, чтобы создать новое, надо разрушить, подвергнуть уничижительной критике старое. Старое — это бывшее, отжившее, мешающее жить. Его надо оставить позади, преодолеть. Только рождающееся лучше того, что, наверное, уже умирает. Молодость лучше, чем старость. Внуки умнее дедов. Традиция признается, но как архаика, как миф, как нечто, что мы признаем, но вряд ли соблюдаем в ее полноте. И не случайно, именно на Западе (в Европе) рождается марксизм, так блестяще доведенный до абсурда в нашей стране. «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног», — самоотверженно пели увлеченные строители нового общества. Бедные «метафизики», они не знали, что продолжают путь заблуждения начатого Протагором (как хорошо, что нам сказал об этом Мартин Хайдеггер — см. «Что такое метафизика?» [16] и «Европейский нигилизм» [15]).

Соловьев, почти гениально, а скорее мистически, в простом названии: «Оправдание добра», сказал почти все о своей, да и обо всей русской философии (в России — до 1917, а в эмиграции и много дольше того). Оправдание вот главный метод русского философствования. Не разрушать прошлое, созидая настоящее, а паче того будущее, а оправдать, т.е. понять, осмыслить и взять все самое лучшее и ценное с собой. В будущую жизнь, в будущую философию. А что нельзя взять с собой, то простить и оставить в прошлом, в прошедшем. И в этом главный пафос и главное предназначение русского народа и русской культуры. И если верить И.В. Кондакову [7],

что слово в России стоит не только раньше всякого дела, но и определяет его, то как жаль, что не были написаны ожидаемые «Оправдание истины» и «Оправдание красоты». Позже это понимание подхватит Бердяев, подхватит, в том числе и в названии: «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Правда, здесь оправдание уже уходит в подзаголовок. Может быть потому, что прощать Бердяев почти не умеет? Чего стоит одна только история ссоры с Иваном Ильиным.

Обращение сегодня к Ницше и его философии, это обращение к некоторому источнику, напитавшему современное общество самыми разными соками, как живительными, так возможно и сомнительного свойства.

В чем проявляется еще это скатывание к «пути зверя»? Достаточно многообразно: от примитивного обращения только лишь к одной телесности и чувственности: «Купи пива и радуйся!», и будет тебе все — красивые «тачки», «клевые девчонки», жаркие страны, и т. д., до выстраивания целой новой философии жизни. Новое бегство из города, от цивилизации в социализацию, от урбанизации к «таунхаузизации». Уезжайте из города, в пригород. Селитесь в коттеджных поселках, внутри города образуйте кондоминимумы и отгораживайтесь от всех. Город воспринимается как сосредоточие всех мыслимых и не мыслимых пороков. Город как враждебная территория. Город — это с одной стороны крайне индивидуализированное пространство, а с другой — место, где никогда нельзя остаться одному.

В городе мы видим проявление того, что можно назвать агрессией чувств. Публичное проявление крайних форм эмоциональных реакций: будь-то радость, любовь или ненависть и горе, стало почти нормой. Демонстративный разговор по телефону, игнорирование окружающих при встрече друзей и подруг, сегодня стало скорее правилом, чем исключением из него.

Прав был И.А. Ильин, когда говорил, что современные люди «...ожесточились в отрицании духа и любви,... создали воинствующий мировой центр, хотящий словом и примером, лукавством и преступлением, мукой, нищетой, страхом и кровью навязать всему человечеству уклад бездуховный и

противолюбовный. навязать всем людям слепоту безбожия и ожесточенность в этой слепоте» [2, 358]. Человек же безбожный, считал Ильин, не способен по природе своей к созиданию и творчеству, он способен только к разрушению и критике. Лишь человек имеющий веру и твердые основания подлинно свободен, и может создавать новое, не бывшее, не существовавшее ранее, так как ему не надо оглядываться назад и тратить силы на разрушение существующего.

«Всякая настоящая семья возникает из любви и дает человеку счастье» [5, 142], писал И. А. Ильин в своей работе «Путь духовного обновления». Как сильно разнятся эти слова с тем, что нам приходится слышать и наблюдать последние несколько лет. Стало модно в различных СМИ, и в первую очередь средствами телевидения, на столь распространенных сегодня ток-шоу, доказывать (а скорее, даже, пропагандировать), что брак, прежде всего — это экономический договор. И, стало быть, самые крепкие браки — это браки по расчету. Расчет же, может и не подразумевать любви, а строиться на выгоде, иногда взаимной, иногда нет. Вспомним снова, что говорит Ильин: «Там, где заключается брак без любви, семья возникает лишь по внешней видимости; там, где брак не дает человеку счастья, он не выполняет своего первого назначения» [5, 142]. Что же, это за «первое назначение»? Конечно, самым главным является воспитание ребенка (детей). «Воспитать ребенка значит заложить в нем основы духовного характера и довести его до способности самовоспитания» [5, 152]. Лишь только, в счастливой семье, по мнению Ильина, ребенок может обрести знание о подлинных (искренних) человеческих взаимоотношениях, и получить духовный опыт истинной свободы.

Проблемы семьи у Ильина тесно связаны с проблемами сохранения, сбережения культуры, потому что «...семья является первичным лоном человеческой культуры» [5, 142].

Другой, не менее известный, русский религиозный философ Лев Платонович Карсавин говорил, что культура есть отражение всеединства человека. При этом, правда, добавляя, что достижения культуры есть нарушение этого всеединства [6, 166—167] — в культуре заложено нечто, что является выражением общности всех людей, но, достигнув этого общего,

человек неизбежно выделяется из единого ряда людей, да и достичь этого состояния он может, только, проявляя свою индивидуальность. Вероятно, стремление индивидуализироваться, выделиться, и есть это всеобщее, что соединяет всех людей, делает их похожими друг на друга, в этой своей непохожести, по мнению Карсавина.

Но, вернемся к И.А. Ильину. Для него общей закономерностью, можно даже сказать одной из главных функций семьи в культуре является то, что «...семья призвана воспринимать, поддерживать и передавать из поколения в поколение некую духовно-религиозную, национальную и отечественную традицию» [5, 142].

Хотелось бы высказать собственную позицию по этой немаловажной проблеме. Конечно, один человек не способен сохранить для истории, для последующих поколений даже малого объема культурной памяти и традиций, ибо человек не вечен. Для этого ему необходимо, чтобы было, кому передать свои знания, свое мастерство, и желательно, чтобы это был естественный преемник, который, что называется с «молоком матери» впитал бы в себя все это. Лучшей организационной формой для этого является семья. Она представляет и необходимой и достаточной для сохранения, функционирования и развития культурных традиций, самой культуры.

С семьей связана и еще одна функция культуры по отношению к отдельному человеку. Культура — это система, позволяющая человеку адаптироваться к определенным условиям жизни общества. Человек, ребенок, осваивая язык, нормы поведения, духовное и материальное богатство, тем самым приспосабливается к самостоятельной жизни в обществе. И снова, идеальным местом для подобной адаптации к окружающему миру выступает семья, где этот процесс происходит наиболее естественно. Тех, кто привык доверять, прежде всего, авторитетам западноевропейской мысли отсылаю к книге Эриха Фромма «Человек для себя» [14, 29], готовых воспринимать современных отечественных мыслителей адресую к статье А.Ю. Кузнецова [10, 125].

Для Ильина: «Культура есть явление внутреннее и органическое: она захватывает самую глубину человеческой души и

слагается на путях живой, таинственной целесообразности. Этим она отличается от цивилизации, которая может усваиваться внешне и поверхностно, и не требует всей полноты душевного участия»[3, 300]. Ильин видит сложный характер процесса творения культуры, для него истинное ее созидание и сохранение не мыслится вне национальных пределов культуры. И не только вне национальных, но и вне семейных пределов оно невозможно. При этом подлинная культура всегда религиозна. Безбожная, атеистическая культура обречена на исчезновение, так как она бесплодна, потому что весь свой потенциал, все свои силы она направляет не на созидание, а на бессмысленную борьбу против религиозной традиции и культуры: «...безбожники всегда будут лишь трутнями и разрушителями культуры»[5, 358].

Трудно переоценить значение семьи, религиозной семьи (а для России — православной семьи). Сохранение и поддержание духовности, воспитание новых поколений в духе традиционной нравственности и наконец становление патриотизма, который для Ильина был не пустым звуком, а необходимым наполнением жизни каждого духовно здорового общества. «Это семья создала и выносила культуру национального чувства и патриотической верности. И сама идея «родины» — лона моего рождения, и «отечества, земного гнезда моих отцов и предков — возникла из недр семьи как телесного и духовного единства»[5, 152], — пишет Ильин. Семья это первый дом ребенка, именно здесь он осваивает первичное жизненное пространство, и только потом ему придется выходить в большой мир лежащий за его пределами. И то, как человек будет чувствовать себя там, зависит от той меры тепла и любви, которую довелось ему получить в домашних пределах. Именно дома родители закладывают будущий жизненный путь человека, можно сказать, проводят его социализацию. И так странно, иногда, слышать сегодня упреки со стороны представителей социальных органов в адрес родителей, стремящихся воспитывать детей дошкольного возраста дома, не отдавая их в детские дошкольные учреждения. По меньшей мере, нелепыми кажутся обвинения в том, что воспитание дома сдерживает процесс социализации и адаптации ребенка к

обществу, к внешнему миру. Скорей наоборот, поспешно переданные на детсадовское воспитание дети должны вызывать большее беспокойство, так как они получают меньше опыта эмоционального контакта с миром, доброжелательного эмоционального контакта. Только в семье ребенок может увидеть традиционные модели взаимоотношений между разными поколениями, между мужчиной и женщиной, мужем и женой. И именно поэтому так важно, чтобы между родителями были взаимоотношения, основанные на любви и уважении друг к другу. Не говоря уже о том, чтобы в семье вообще присутствовали отец и мать, муж и жена, что, к сожалению, сегодня уже становится совсем не очевидным.

Взаимоотношения мужчины и женщины, мужа и жены, их благополучие и «нормальность» их отношений, зависят от того насколько удается им действовать каждому в своем пространстве. Мужчина чаще всего действует во внешнем пространстве — это его предназначение, его стихия, его смысл. Он стремится к расширению, к гегемонии, к овладению внешним, чужим, часто чуждым ему пространством. Женщина стремится овладеть пространством непосредственно окружающим ее, принадлежащим ей, являющимся частью ее мира. Мужчина стремится преодолевать, покорять, женщина приручать, благоустраивать. Гармония отношений, равное партнерство существует до тех пор, пока им (мужчине и женщине) удастся действовать каждому в своем пространстве. Когда нарушается, исчезает возможность этой сопребнадлежности своему пространству, нарушается и шаткое равновесие между ними. Когда женщине приходится решать проблемы не только обустройства своего мира, но и отстаивания своего места в этом мире, защите и борьбе с внешним, тогда возникает проблема ненужности мужчины, иллюзия возможности самостоятельного существования и самодостаточности. Женщина вдруг осознает, что она может делать многое из того, что раньше делали только мужчины, что считалось исключительной принадлежностью мужского мира, и частью мужской работы — женщины начинают учить, лечить, воевать и т.д. Точно так же и мужчина, когда он не имеет сферы приложения своих сил и возможностей во вне, за пределы замкнутого

мира семьи, рода, этноса, государства, начинает терять смысл своего существования и цельность мира, Космоса. Тогда он обращается на ближний мир, на внутреннее пространство, и обнаруживает, что многое из того, что считалось прерогативой женщины, способен выполнять, и неплохо выполнять он сам — тогда мужчины становятся поварами, модельерами и т.д. Такие состояния общества, системы, государства наступают в моменты кризиса, или кризис наступает из-за этого? Кризис невозможности расширения, движения во вне.

Завершить работу хотелось бы еще одним высказыванием И.А. Ильина: «Мы должны научиться чтить и любить, и строить наш семейный очаг — это первое, единственное гнездо любви, веры, свободы и совести, эту необходимую и священную ячейку родины и национальной жизни» [5, 182].

1. Булгаков С. Н. Свет не вечерний: Созерцания и умозрения / С.Н. Булгаков. М., Республика, 1994.
2. Ильин И. А. Кризис безбожия // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., Русская книга, 1993.
3. Ильин И. А. Основы христианской культуры // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., Русская книга, 1993.
4. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. М., «ДАРЪ», 2005..
5. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собрание сочинений: В 10 т. Т. 1. М., Русская книга, 1993.
6. Карсавин Л. П. Философия истории. СПб., АО «Комплект», 1993.
7. Кондаков И. В. Введение в историю русской культуры (теоретический очерк) : Учебник для вузов. М., Наука, 1994. (Программа «Обновление гуманитарного образования в России»).
8. Кондрашов А. Дикий Дон. // Литературная газета, 2006, № 48.
9. Кронштадтский И. Св. Александр Невский — обличитель Л. Толстого и его последователей. // Кронштадтский И. Христианская философия: Избранные работы.

М. : Изд-во Эксмо, СПб., Terra Fantastica, 2004.

10. Кузнецов А.Ю. Феномен цикличности социокультурной динамики // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2009. № 4(70).
11. Маркус Вольф. Последний портрет разведчика. // Литературная газета, 2006, № 48.
12. Соловьев В. С. Общий смысл искусства. // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., Мысль, 1990. Тиллих П. Динамика веры // Тиллих Пауль. Избранное: Теология культуры. Пер. с англ. М., Юрист, 1995.
13. Фромм Э. Человек для себя. Минск : Коллегиум, 1992.
14. Хайдеггер М. Европейский нигилизм. // Проблема человека в западной философии. М., Прогресс, 1988.
15. Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Новая технократическая волна на Западе. М., Прогресс, 1986.